

УДК 821.111-94(73)
ББК 84(7Coe)-44
P20

Печатается с разрешения издательства Pocket Books,
a Division of Simon & Schuster, Inc., as the original publisher,
и литературного агентства Andrew Nurnberg

Все права защищены.
Любое использование материалов данной книги,
полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается

Aron Ralston
BETWEEN A ROCK AND A HARD PLACE

Перевод с английского
Елены Скиперской

Ралстон, Арон.

P20 127 часов. Между молотом и наковальней / пер. с англ.
яз. Е. С. Скиперской. — Москва : Издательство АСТ,
2021. — 384 с. — (Рожденные выжить).

ISBN 978-5-17-121942-0 (рус.)

ISBN 0-7434-9281-1 (англ.)

Суббота, 26 апреля 2003 года, 14 часов 41 минута. В восьми милях от своего грузовика, находясь в глубокой и узкой расщелине каньона Блю-Джон, альпинист Арон Ралстон спускался с клинообразного валуна, когда камень внезапно начал шататься. Прежде чем Арон смог отскочить в сторону, падающий камень прижал его правую руку и запястье к стене каньона.

Так для Арона начались шесть дней ада. Имея лишь скудные запасы воды и еды, без куртки, чтобы согреться мучительно холодными ночами, с ужасом осозная, что он никому не сказал о том, куда отправился, Арон понимал, что ему предстоит умереть медленной смертью — он был пойман в ловушку на дне каньона валуном весом около 400 килограммов на глубине 3 метров.

И тогда, чтобы спасти себя, Арон совершил самый необычный поступок, который только можно было представить...

УДК 821.111-94(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-121942-0 (рус.)
ISBN 0-7434-9281-1 (англ.)

© 2004 by Aron Ralston
© Е. С. Скиперская, перевод, 2020
© Оформление. ООО «Издательство АСТ»,
2021

*Страсти: то, от чего страдаю,
чему поддаюсь, что терплю,
и то, что дано мне.*

*...После того как сирен товарищи сзади оставляют,
Дальше тебе ни за что говорить я не стану, какую
Выбрать дорогу тебе. Умом своим собственным должен
Это решить ты. А я расскажу об обеих дорогах.
Встретишь на первой утесы высокие. Яро пред ними
Волны кипят синеглазой богини морской Амфитриты.
Планктами эти утесы зовут всеблаженные боги.*

<...>

*Все корабли, к тем скалам подходившие, гибли с пловцами;
Доски одни оставались от них и бездушные трупы,
Гибельным вихрем огня и волною носимые в море.*

<...>

*Два на дороге второй есть утеса. Один достигает
Острой вершиною неба, вокруг нее тучи теснятся
Черные. Прочь никогда не уходят они, у вершины
Воздух ни летом, ни осенью там не бывает прозрачным.*

<...>

*Мрачная есть в середине утеса большая пещера.
Обращена она входом на мрак, на запад, к Эрбу.
Мимо нее ты направь свой корабль, Одиссей благородный.*

<...>

*Страшно рычащая Сцилла в пещере скалы обитает.
Как у щенка молодого, звучит ее голос. Сама же –
Злобное чудище. Нет никого, кто б, ее увидавши,
Радость почувствовал в сердце, – хоть если бы бог с ней столкнулся.
Ног двенадцать у Сциллы, и все они тонки и жидки.
Длинных шесть извивается шей на плечах, а на шеях
По голове ужасающей, в пасти у каждой в три ряда
Полные черною смертью обильные, частые зубы.*

<...>

*Из мореходцев никто похвалиться не мог бы, что мимо
Он с кораблем невредимо проехал: хватает по мужу
Каждой она головой и в пещеру к себе увлекает.
Там и другую скалу, Одиссей, ты увидишь, пониже,
Близко от той. Отстоит от нее лишь на выстрел из лука.
Дико растет на скале той смоковница с пышной листвою.
Прямо под ней от Харибды божественной черные воды
Страшно бушуют. Три раза она их на дно поглощает
И извергает три раза. Смотри же: когда поглощает –
Не приближайся! Тебя тут не спас бы и сам Земледержец!
К Сциллиной ближе держися скале и как можно скорее
Мимо корабль быстроходный гони. Несравненно ведь лучше
Шесть людей с корабля потерять, чем всех их лишиться¹.*

¹ Гомер. Одиссея (песнь двенадцатая) / перевод с древнегреческого В. В. Вересаева под ред. академика И. И. Толстого. — Москва : Гос. изд-во худож. лит-ры, 1953.

ПРОЛОГ

ВМЕСТЕ С БАНДИТАМИ ИЗ РУСТА

По складу характера он был скорее лодочником, чем ковбоем, и приготовление пищи ему удавалось лучше, чем ограбление поездов. Однако Джон Гриффит, отличительной приметой которого были глаза разного цвета — один голубой, другой карий, — стал незаменимым членом «Дикой шайки» Бутча Кэссиди. В те времена банда скрывалась в Робберс-Руст, в Восточной Юте. Блю-Джон¹, как назвал его первый работодатель, приехал в этот район, чтобы работать поваром на ферме Харриса, около Циско, примерно в девяносто шести километрах к западу от Гранд-Джанкшен. Однако в согласии с законом он не был и двух лет. В возрасте тридцати пяти лет Джон Гриффит связался с Джимом Уоллом, известным как Серебряный Мундштук, и Эдом Ньюкомбом, он же Индеец Эд. Весной 1890 года они вместе проводили сбор скота для родео. Ковбои прочесывали просторы Руста под предводительством Джека Мура, у которого была крайне плохая репутация. Он неоднократно принимал банду Бутча Кэссиди на своей территории, ограниченной реками Дерти-Девил, Сан-Рафаэль, Грин-Ривер и Колорадо. И каждый раз, когда «Дикая шайка» оставалась в Русте на зиму, разбивала лагерь до или после очередного на-

¹ *Блю-Джон* — с англ. «Голубой Джон».

бега или же заглядывала, чтобы помочь со сбором скота, ее ждал теплый прием.

Серебряный Мундштук, Блю-Джон и Индеец Эд скитались вместе с шайкой в качестве подсобных рабочих, они брались за все, что только можно — крали лошадей, занимались разбоем, пасли скот. В 1898 году они помогали Муру отлавливать остатки стада Джей Би Бура, после чего отправились в Вайоминг воровать лошадей. На обратном пути завязалась перестрелка, которая стоила Муру жизни. В начале следующего года группа доставила украденных лошадей в Колорадо для продажи, после чего вернулась в Руст. Серебряный Мундштук, Блю-Джон и Индеец Эд обзавелись новой партией отборной конины, угнав лошадей с ранчо неподалеку от Моаба и Монтчелло. «Дикая шайка» не слишком боялась поисковых отрядов, которые, кстати, старались держаться подальше от Руста. Но в то же время разбойники знали, что после всех их выходов слуги закона не прекратят охоту на них.

В одном из боковых ответвлений каньона Руст поздним февральским утром Индеец Эд карабкался по скалам над выступом, под которым команда укрылась на ночь вместе с краденым товаром — двумя вьючными животными и полудюжиной лошадей. Внезапно утреннюю тишину разорвал оружейный выстрел. Пуля 38 калибра расплющилась о скалу и отрикошетила, пробив Эду ногу над коленом. Он упал в песчаную вымоину и, скрываясь за кустами, пополз к укрытию, из которого Блю-Джон и Серебряный Мундштук уже вели огонь по поисковому отряду, который отыскал разбойников по их следам и остаткам вчерашнего костра. Пока Блю-Джон отвлекал внимание отряда, Серебряный Мундштук вылез из вымоины и, поднявшись на край каньона, сделал три выстрела. Пули просвистели прямо над головами людей шерифа. Слуги закона отступили из бокового каньона к основному руслу каньона Руст, где они оставили своих лошадей, и затем помчались к своим домам и ранчо, разнося новость о перестрелке с «Дикой шайкой».

Это был последний раз, когда три бандита вместе участвовали в преступной операции. После этого случая они повесили свои ружья на стену, их пути разошлись, и каждый мирно ушел в историческое небытие, оставив другим место для подвигов. Индеец Эд вылечил ногу и, как считают, вернулся в Оклахому,

где его следы затерялись. Серебряный Мундштук отбыл два года десятилетнего срока в тюрьме округа Уэйн, штат Юта, после чего сбежал из-под стражи. В конце концов он поселился в штате Вайоминг, где спокойно прожил остаток своих дней. Блю-Джона — Гриффита — в последний раз видели осенью 1899 года, когда он отплывал из Хайта вниз по реке Колорадо — по одному из самых красивых и опасных речных участков на Западе — в сторону паромной переправы Лиз Ферри. Но в Лиз Ферри его никто не видел, поэтому считают, что он мог выйти на полпути, чтобы отправиться в Аризону или даже в Мексику. Так или иначе, никто о нем больше ничего не слышал.

Из них троих только он один смог оставить свой след на земле. Каньон Блю-Джон и источник с тем же названием рядом с местом роковой попытки устроить засаду названы в честь этого то ли повара, то ли скотовода или грабителя, который с добрый десяток лет в поисках наживы скитался по Русту в самом конце XIX века.

ГЛАВА 1

**ГЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭПОХА
ВКЛЮЧАЕТ В СЕБЯ
НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ**

*Это самое красивое место на земле.
Таких мест много. Каждый мужчина и каждая женщина
носят в своем уме и сердце образ идеального места, известного
или неизвестного, существующего или призрачного...
Нет предела человеческой способности стремиться вернуться
домой. Даже богословы, летчики и астронавты чувствовали
призыв Родины, взывающей к ним сверху, из холодной черной
глуши межзвездного пространства.
Для меня это город Моаб в штате Юта. Конечно, я имею в виду
не сам город, а окружающую его местность — каньоны.
Пустынные гладкие скалы. Красная пыль, обожженные солнцем
склоны и одинокое небо — все, что лежит за концом дорог¹.*

Лучистые инверсионные следы самолета прочерчивают лазурное небо над красным пустынным плато, и я спрашиваю себя, как много палящих солнечных дней видели эти бесплодные земли с момента их создания. Утро субботы, 26 апреля. Я еду на горном велосипеде по разбитой грунтовой дороге в отдаленном юго-восточном районе округа Эмери, в централь-

¹Эбби Эдвард. Отшельник пустыни. — Нью-Йорк : Random House, 1968.

ной части Восточной Юты. Час назад я оставил свой пикап на парковке у начала грунтовой дороги, ведущей в Хорсшу-Каньон, укромный уголок национального парка Каньонлендс, который находится примерно в двадцати четырех километрах к северо-западу от легендарного округа Мейз, в шестидесяти четырех километрах к юго-востоку от прекрасных зазубренных пиков возвышенности Сан-Рафаэль, в тридцати двух километрах к западу от реки Грин-Ривер и примерно в шестидесяти четырех километрах к югу от автомагистрали I-70, последнего оплота коммерции и цивилизации (до ближайшего автосервиса 177 километров). Сильнейший ветер, разогнавшись на открытых равнинах, простирающихся на сотни километров между заснеженными хребтами Генри на юго-западе — последние горы в США, которые были исследованы, названы и нанесены на карту, — и горами Ла-Саль на востоке, дует мне навстречу с юга, куда я направляюсь. Помимо того, что я замедлил свое продвижение практически до ползучести, я еду на самой низкой передаче и сильно качаюсь на ровном склоне только лишь для того, чтобы продвигаться вперед. Ветер намел мелкие кучки темно-бордового песка на дощатую дорогу. Я стараюсь избегать заносов, но иногда они покрывают всю дорогу, и мой велосипед пробуксовывает. Мне уже трижды приходилось идти пешком по особенно длинным песчаным заносам.

Идти было бы намного легче, если бы у меня не было этого тяжелого рюкзака на спине. На обычную велосипедную прогулку я не потащил бы с собой одиннадцать килограммов провизии и снаряжения, но сейчас я продвигаюсь по круговому сорока восьми километровому маршруту, который предусматривает поездку на велосипеде и скалолазание — пребывание на дне глубоких и узких каньонов, на что у меня уйдет большая часть дня. Помимо воды в водонепроницаемом гидрорезервуаре-кэмелбэке и в литровой пластиковой бутылке «Лексан», в моем рюкзаке лежат пять плиток шоколада, два буррито и шоколадный кекс в полиэтиленовом пакете. К тому времени, когда я доберусь до своего пикапа, я наверняка уже снова проголодаюсь, но на сегодня мне хватит. Большая часть веса моего груза приходится на мой полный запас альпинистского снаряжения: три карабина с фиксаторами, два обычных карабина, облегченное комбинированное устройство для страховки

и спуска по веревке, две связанных стропы толщиной немногим более одного сантиметра, более длинная веревка с десятью предварительно сшитыми петлями, которую называют «лесенкой», моя альпинистская обвязка, динамическая альпинистская страховочная веревка длиной шестьдесят метров и толщиной десять с половиной миллиметров, стропа-труба длиной семь с половиной метров, сложенная в бухту, и редко используемый мультиинструмент *Leatherman-knockoff* (перочинный нож с двумя складными лезвиями и парой плоскогубцев), который я беру с собой на случай, если мне понадобится отрезать веревку, чтобы сделать узел и закрепиться. Помимо этого, в моем рюкзаке лежат налобный фонарь, наушники, CD-плеер и несколько компакт-дисков, дополнительные пальчиковые батарейки, цифровой фотоаппарат и цифровая мини-видеокамера, батарейки к ним и защитные тканевые мешки.

Это добавляет лишний вес, но я считаю, что все эти вещи необходимы, даже оборудование для фото и видеосъемки. Мне нравится фотографировать необычные цвета и формы, которые встречаются в глубинах извилистых расщелин каньонов, а также доисторические изображения, сохранившиеся в их нишах. У этой поездки есть дополнительное преимущество: я смогу пройти мимо четырех археологических памятников в Хорсшу-Каньоне, на стенах которого можно увидеть сотни петроглифов и пиктограмм. Конгресс США специально включил этот отдельно расположенный каньон в состав прилегающего к нему национального парка Каньонлендс, чтобы защитить пятитысячелетние наскальные гравюры и рисунки, найденные вдоль русла Барьер-Крик на дне Хорсшу-Каньона, которые являются безмолвными свидетелями существования древнего народа. В Большой галерее десятки людей-великанов ростом от двух с половиной до девяти метров нависают над группами невиданных зверей. Великаны превосходят размерами зверей и забредающих в каньон наблюдателей. У них длинные темные тела, широкие плечи и выразительные глаза. Великолепные массивные изображения – самые древние и лучшие примеры представлений о мире, которые были у древних народов. Эти образцы настолько уникальны, что антропологи назвали этот тяжеловесный и несколько зловещий способ изображения «стилем Барьер-Крик». Несмотря на отсутствие пись-

менных источников, которые помогли бы нам расшифровать послания художников, некоторые из фигур похожи на охотников с копьями и дубинками; большинство из них безногие, безрукие, рогатые, кажется, что они плывут по воздуху как демоны из ночных кошмаров. Независимо от значения, которое было в них вложено, таинственные формы отличаются способностью заявлять о своей самобытности, которую они пронесли через тысячелетия, и могут противопоставить современному наблюдателю тот факт, что их изображения просуществовали дольше и сохранились лучше, чем старейшие артефакты западной цивилизации. И возникает вопрос: что останется от сегодняшних якобы очень развитых обществ через пять тысяч лет? Вряд ли наши произведения искусства. И уж совершенно точно не доказательства нашего времяпровождения (хотя бы потому, что большинство из нас попусту растрчивает такую роскошь, как время, сидя перед телевизором).

Предполагая, что в каньоне будет влажно и грязно, я надел пару потертых кроссовок и толстые полушерстяные носки. Ступни, утепленные подобным образом, потеют, когда нажимают на педали велосипеда. Ноги тоже потеют, сжатые велосипедными шортами из лайкры, которые я ношу под бежевыми нейлоновыми шортами. Но даже несмотря на двойные шорты, я чувствую, как мой зад ударяется о велосипедное сиденье. Сверху на мне любимая футболка *Phish*, на голове — синяя бейсболка. Я оставил свою непромокаемую куртку в пикапе; день будет теплым и сухим, как вчера, когда я проехал на велосипеде двадцать километров по тропе Слик-Рок к востоку от Моаба. Если бы пошел дождь, расщелина каньона была бы последним местом, куда бы я отправился, в куртке или без нее.

Путешествия налегке доставляют мне удовольствие, и я думаю, что с меньшим весом смогу пройти больше за тот же период времени. Вчера я брал с собой только маленький рюкзак с несколькими деталями для ремонта велосипеда, фотоаппаратом и видеокамерой — всего лишь четыре килограмма, это ничтожная нагрузка для четырехчасовой круговой поездки на велосипеде. Вечером, вынув из рюкзака велосипедные принадлежнос-

ти, я проехал восемь километров в направлении природной арки в Кэстл-Вэлли и обратно, тогда в моем рюкзаке было всего лишь около трех литров воды и видеоаппаратура. За день до этого, в четверг, вместе с моим другом Брэдом Йолем из Аспена я поднялся на гору Соприс высотой 3952 метра в Западном Колорадо, откуда мы спустились на лыжах. У меня была с собой сменная одежда, противолавинное снаряжение, при этом вес моего груза не превышал пяти с половиной килограммов.

Моя пятидневная поездка завершится в воскресенье вечером попыткой прокатиться в одиночку и без груза на горном велосипеде по 174-километровой кольцевой тропе Уайт-Рим в национальном парке Каньонлендс. Впервые я проехал по этому маршруту в 2000 году. Тогда я потратил на это три дня. У меня был рюкзак весом двадцать восемь килограммов, и боль в спине появилась раньше, чем я проехал первые шестнадцать километров. Если у меня останется время на эту поездку, я возьму с собой рюкзак весом около семи килограммов и попробую проехать это расстояние менее чем за двадцать четыре часа. Это будет означать, что мне придется тщательно контролировать расход имеющихся у меня водных ресурсов и пополнять их при каждой возможности, я буду вынужден ехать без сна и делать минимум остановок. Больше всего меня беспокоит не то, что мои ноги устанут — я знаю, что это произойдет, и я знаю, как с этим справиться, — а то, что мой зад станет болезненно реагировать на удары велосипедного седла и я не смогу продолжить поездку. «Промежностная кома» — я слышал, что это так называется, — бывает вызвана падением чувствительности, что возникает в результате чрезмерной стимуляции промежности. Поскольку я не ездил на велосипеде на длительные расстояния с прошлого лета, привычка соответствующей части моего тела к велосипедному седлу почти утеряна. Если бы я запланировал ехать хотя бы двумя днями ранее, я бы заранее съездил хотя бы в одну длительную поездку в районе Аспена. Но случилось так, что в последний момент сорвалась альпинистская поездка, на которую мы с друзьями должны были отправиться в среду. И это дало мне возможность отправиться на хадж в пустыню, в паломническую поездку за теплом, чтобы заново познакомиться с пейзажем, отличающимся от зимних гор. Обычно я оставлял своим соседям по дому подробное описание мар-

шрута поездки, в которую отправлялся, но поскольку я покинул дом в Аспене, не зная, что буду делать, единственное слово, которое я сказал им и которое определило направление, по которому я последовал, было «Юта». Я вкратце изучил варианты своей поездки, воспользовавшись путеводителями, когда ехал с горы Соприс в Юту в четверг вечером. Результатом стал неожиданный импровизированный отпуск, в котором была предусмотрена даже большая вечеринка рядом с национальным парком Гоблин-Вэлли сегодня вечером.

Сейчас почти десять тридцать утра. Я кручу педали, направляясь в тень одиноко растущего можжевельника, и осматриваю залитые солнцем окрестности. Пустыня постепенно отступает и превращается в местность из разноцветных каменных валунов, скрытых скал, выветренных и деформированных утесов, наклонных и разрушенных каньонов, расколотых монолитов. Это странная страна — это страна вуду. Это страна одиночества, красная пустошь, которая начинается там, где заканчиваются все дороги. Вчера вечером я приехал уже после того, как стемнело, и не смог разглядеть ландшафт по пути к тропе. Осматривая восточное направление, чтобы найти какой-либо указатель присутствия каньона, к которому я направляюсь, я вынимаю из рюкзака шоколадный маффин, купленный в пекарне в Моабе, и начинаю давиться им. Кекс и мой рот практически пересохли под воздействием засушливого ветра. Вокруг многочисленные следы крупного рогатого скота, свидетельства непрерывных попыток владельца ранчо вопреки всему заработать в пустыне себе на жизнь. Стада вытоптали извилистые тропы на местности, покрытой кружевными травами, высокими кактусами, которые оцетиниваются иглами, наподобие ежей, и черной микробиотической коркой, закрывающей красную землю. Несколькими глотками воды из гидратационной трубки от моего кэмелбэка, прикрепленной к наплечному ремню, я запиваю остатки кекса.

Снова сев на велосипед, я еду вниз по дороге вдоль защищающей меня от ветра холмистой гряды, но на вершине следующего холма я снова вступаю в бой с порывами ветра. Еще через двадцать минут, непрерывно крутя педали по дороге, раскаленной, как доменная печь, я вижу группу мотоциклистов, которые проезжают мимо меня в сторону округа Мейз в Каньон-

лендс. Пыль от мотоциклов летит мне прямо в лицо, забивая нос, глаза, слезные протоки и даже приклеиваясь к моим зубам. Я с гримасой на лице счищаю песок с губ и зубов и прибавляю ход, размышляя о том, куда эти байкеры направляются.

Я побывал в округе Мейз только один раз, в течение получаса, почти десять лет назад. Когда наша группа, сплававшаяся на рафтах по каньону Катаракт, сделала привал во второй половине дня, чтобы разбить лагерь у реки Колорадо на пляже под названием «Спэниш-Боттом», я поднялся на триста метров вверх по краю скалы до места, известного под названием «Доллс-Хаус». Причудливые скальные образования высотой от полутора до трех метров возвышались надо мной, когда я, как лилипут, карабкался по песчанику и граниту. Наконец, когда я обернулся, чтобы посмотреть на реку, вдруг резко остановился и присел на ближайший валун, пораженный открывшимся мне видом. Это было впервые, когда особенности рельефа и процессы формирования пустыни заставили меня остановиться и понять, насколько мы малы и смелы, мы — человеческая раса.

Внизу, за лодками у Спэниш-Боттом, яростно текла река; внезапно я понял, что именно в этот момент ее красновато-коричневый поток вырезал этот самый каньон из тысячи квадратных километров пустынных равнин. Когда я находился в Доллс-Хаус, у меня неожиданно возникло чувство, что я наблюдаю за тем, как рождается ландшафт, как будто я стою на краю кратера извергающегося вулкана. Эта перспектива породила во мне ощущение того, что я нахожусь в самом начале времен, в той изначальной эпохе до возникновения жизни, когда существовала только пустынная земля. Подобно тому, как мы смотрим в телескоп на Млечный путь и задаемся вопросом, не одиноки ли мы во Вселенной, я с ошеломляющей ясностью осознал, насколько мала и хрупка жизнь, насколько мы незначительны по сравнению с силами природы и размерами пространства. Если бы моя группа, чьи два рафта находились на расстоянии полутора километров отсюда, села бы на них и ушла, я бы оказался отрезанным от человечества настолько, насколько это вообще возможно. Через пятнадцать–тридцать дней я бы умер от голода, в одиночестве, когда пошел бы пешком вверх по течению реки по направлению к Моабу, и больше никогда бы не увидел признаков присутствия человека или его